

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

М.А.Болдырева

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ САПАРДИ ДЖОКО ДАМОНО ИЗ КНИГИ СТИХОВ
"ТВОЯ ВЕЧНАЯ ПЕЧАЛЬ"

Эта статья продолжает тему моих предыдущих исследований о зашифрованности языка современной индонезийской поэзии, обусловленной сложностью ассоциативно-образной системы некоторых поэтических текстов, возможностью неоднозначного толкования текста, существованием подтекста; о наличии нескольких уровней - смысловых, синтаксических, звуковых и графических - в одном стихотворении. На этот раз материалом исследования являются три стихотворения известного поэта Индонезии наших дней Сапарди Джоко Дамона из его стихотворного сборника "Твоя вечная печаль" ("Dukamu abadi", Jakarta, 1969): "Мгновения перед обитием", "Идти в похоронной процессии" и "После похорон". Задачей исследования прежде всего является постижение смысла стихотворений, достаточно сложных для понимания, и - по возможности, подробный анализ текста.

В сборнике нет специальных указаний на связь этих стихотворений или выделяющих их в одно целое, - просто они следуют одно за другим. Но существование тематической связи между ними следует из их названий: они объединены темой похорон, смерти, Голландский индонезист А.Тэу называет эти стихотворения трилогией.¹ При анализе этих стихотворений мы будем строить свои рассуждения, полемизируя с А.Тэу, поскольку с мнением этого ученого нельзя не считаться; в то же время его анализ представляется нам достаточно уязвимым.

Эти стихотворения в нашем понимании и, соответственно, переводе звучат так: первое стихотворение "Мгновения перед обитием":

почему же мы продолжаем болтать
когда ночь уже близко
когда тысячи слов созрели в венках
в пространстве все более призрачном, мир полнолунен

пока не исчезнет тот, кто может спросить
почему время года внезапно утихло
и где мы. Пока один здесь задержался
там процессия похоронная идет.²

Saat sebelum berangkat
mengapa kita masih juga bercakap
hari hampir gelap
menyekap beribu kata diantara karangan bunga
di ruang semakin maya, dunia purnama

sampai tak ada yang sempat bertanya
mengapa musim tiba-tiba reda
kita dimana. Waktu seorang bertahan di sini
di luar para pengiring jenazah menanti

Второе стихотворение "Идти в похоронной процессии":

По дороге с похоронной процессией даже ветер утих
часы мигают
не измерить, как скоро
день отступил, расчистив дорогу в мире

а рядом: деревья одно за другим склоняют головы
а наверху: наше солнце, то же самое солнце
часы покачиваются - посредине
не измерить, как же пусто время, их поглотившее

Berjalan di belakang jenazah
berjalan di belakang jenazah angin pun reda
jam mengerdip
tak terduga betapa lekas
siang menepi, melapangkan jalan dunia

di samping: pohon demi pohon menundukkan kepala
di atas: matahari kita, matahari itu juga
jam mengambang diantaranya
tak terduga begitu kosong waktu menghirupnya

Третье стихотворение - "После похорон":

долго ли ты еще будешь об этом
спрашивать? Дождь уже кончился
когда был погребен мир, что бесконечно болтал
под увядшим вдруг покровом цветов, в сумеречный сезон

иди домой с закрытым зонтом в руке
дети снова играют на мокрой еще дороге
кони ржут на далеких холмах, как будто во сне
может быть, не придется стареть под знаком того вопроса?

как долго? Но как же высокомерно небо,
как же высокомерна дверь, которая примет нас
целиком, целиком, оставив только воспоминанья
в пещеру, вдруг ставшую тихой

Sehabis mengantar jenazah
masih adakah yang akan kautanyakan
tantang hal itu? Hujan pun sudah selesai
sewaktu tertimbun sebuah dunia yang tak habisnya bercakap
di bawah bunga-bunga menua, musim yang senja

pulanglah dengan payung di tangan, tertutup
anak-anak kembali bermain di jalanan basah
seperti dalam mimpi kuda-kuda meringkik di bukit-bukit jauh
barangkali kita tak perlu tua dalam tanda tanya

masih adakah? Alangkah angkuhnya langit
alangkah angkuhnya pintu yang akan menerima kita
seluruhnya, seluruhnya, kecuali kenangan
pada sebuah gua, yang menjadi sepi tiba-tiba

Было бы напрасным искать в этих стихотворениях временную последовательность реальных событий, отвечающую их названиям. А.Тэу правильно отмечает такие несоответствия, указывающие на отсутствие непосредственной временной связи между ними: в первом стихотворении - до похорон: "ночь уже близко", "полнолунный мир", но во втором стихотворении - во время похорон - речь идет только о переходе ко второй половине дня: "siang menepi" переводится как "день отступил" (букв. "посторонился", так как "siang" - первая половина дня от 10-ти до 15-ти часов); в третьем стихотворении - после похорон - есть указание на то, что во время похорон шел дождь: "дождь уже кончился", а во втором - говорится о солнце над головой: "наверху: наше солнце, то же самое солнце".

Таким образом, если исходить из порядка расположения этих трех стихотворений в сборнике и их названий, то несмотря на кажущуюся временную последовательность, существующую между ними, - подход к содержанию этих стихотворений как к реально происходящим событиям абсурден; можно предположить, что эти временные несоответствия намеренны: поэт подчеркивает, что главное - не в логике реально развивающихся событий, но совсем в другом. Темой¹ этих стихотворений и незримо присутствующим здесь действующим лицом - где-то на заднем плане, "за кадром" - потому что она ни

разу не названа – является смерть. Зато все стихотворение наполнено временем, пронизано его ощущением, "временем" заменено запретное понятие и слово "смерть". Время присутствует в словах и метафорических оборотах, непосредственно или опосредованно с ним связанных, и здесь мы бы выделили три группы. Во-первых, это слова и метафорические обороты, прямо называющие время или его действие на одушевленный и неодушевленный мир, указывающие на время суток или время года: "ночь уже близко", "полнолуный мир", "времена года внезапно утикли" (в первом стихотворении); "день отсутил", "время пусто, их (часы – М.Б.) поглотившее" (во втором стихотворении); "часы мигают", "часы покачиваются", "сумеречный сезон", "стареющие цветы", "нам не придется стареть" (в третьем стихотворении); во втором стихотворении связанное со временем "солнце" употребляется в контексте с "часами": "а наверху: наше солнце, то же самое солнце / часы покачиваются...", (то есть солнце отсчитывает часы, обуславливает и обозначает ход времени). Во-вторых, это слова, обозначающие явления природы, которые отмечают ход времени: "ветер утих" (во втором стихотворении), "дождь кончился" (в третьем стихотворении); а также существительные, прилагательные и глаголы, семантически связанные со временем, например, "воспоминание", "ждать", "старый", "кончен", – не говоря о наречиях и показателях времени, – их множество во всех трех стихотворениях.

Постижение смысла, перевод текста стихотворения с неоднозначным толкованием, наличием нескольких смысловых уровней достаточно сложен, здесь же мы имеем дело с тремя взаимосвязанными стихотворениями. При переводе возникает необходимость остановиться на одном толковании, потому что двузначность в тексте оригинала, как правило, трудно или невозможно передать при переводе. Разные исследователи и переводчики могут по-разному истолковывать и, соответственно, переводить одно и то же стихотворение. Но смысл некоторых стихотворений такого рода бывает настолько тесным, что их толкование, и, соответственно, перевод все же остаются спорными.

А.Тэу, с моей точки зрения, неверно истолковывает некоторые строки, и эта ошибочная интерпретация неизбежно затрагивает текст второго и третьего стихотворений, а в анализе А.Тэу одно рассуждение, основанное на неверной посылке, влечет за собой другое, – и получается целая цепь рассуждений, концепция толкования трех стихотворений, соответственно, – ошибочная. Моя задача состоит в том, чтобы при всей затемненности общего смысла и принципиальной возможности однозначной интерпретации остановиться все же на

том значении (и дать однозначный перевод), которое должно следовать из отдельных конкретных слов и строк – путем сопоставления понимания этих строк голландским исследователем и моего понимания.

Так, предпоследнюю строку из первого стихотворения "Waktu seorang bertahan disini", которую я перевожу: "Пока один здесь задержался", А.Тэу интерпретирует: "Время в одиночку здесь задержалось".³ Эти два понимания здесь возможны, потому что слово "waktu" имеет значения: "время" и "в то время, как", а слово "seorang" может быть переведено как "в одиночку (самостоятельно)" и "один (человек)". Но принятый нами перевод представляется единственно возможным во-первых, потому, что слово "waktu" в принятом нами значении "пока, в то время как" в строке "пока один здесь задержался" естественно и логично выступает в роли союза – в едином целом с последней строкой "там процессия похоронная идет". При чтении второй строфы на фоне всего ее интонационного потока отчетливо и опять-таки совершенно естественно слышна интонационная связь этих двух строк как сложно-подчиненная. И, наконец, интерпретация А.Тэу, на которой он строит свои дальнейшие рассуждения, ведет, как можно будет убедиться к явным натяжкам и противоречивостям.

"Время могущественно, – пишет А.Тэу, – если оно остановилось, то все прекращается, утрачивает свое место" (А.Тееув, р. 96). От этого всемогущего Времени, возникшего, по его воле, в этой строке, зависит все: и пространство, и время года, и человек, и полнолунный мир. Если Время задержалось, остановилось, то и пространство, существующее во Времени, утрачивает признаки пространства, чему он видит подтверждение в стихе "di ruang semakin maya" – "в пространстве, все более призрачном..." И время года исследователь ставит в зависимость от мнимой остановки времени: раз Время остановилось, то и времена года внезапно остановились тоже, больше "не обращаются", – так А.Тэу интерпретирует строку "mengara musim tiba-tiba reda", в нашем же переводе эта строка выглядит так: "почему время года внезапно утихло" (то есть подошло к концу в очередной раз для кого-то, кто еще не исчез и может спросить об этом). Далее вопрос "и где мы", (так же, как и предыдущий о времени года), по Тэу, является признаком потери ориентации как следствие этой мнимой остановки времени, – в нашем же понимании – это вопрос, просто выражающий потребность осознать себя во времени и пространстве. Исходя из мнимой остановки Времени и прекращении всего и утраты всем в зависимости от этого своего места,

фразу "мир полнолунен" голландский исследователь толкует как символ мира иллюзорного, призрачного - "dunia maya", переход к которому от мира реального наступает в результате той же остановки времени (А.Тееув, р. 97). Получается целая концепция зависимости всех и вся от мнимой остановки времени, целая цепь рассуждений, происходящих из ошибочно интерпретированной строки, - и вот уже исследователь создал картину двух противоположных миров, мира реального и мира призрачного, последний из которых возник из-за остановки времени, в тексте стихотворения отсутствующей. Он пишет: "... мир призрачный, иллюзорный по сути дела не может остановиться: здесь остановилось, конечно, время, и хотя оно в одиночку остановилось (потому что оно ни от кого не зависит, оно автономно) все вокруг также остановилось. Но вовне, вне этого призрачного пространства и полной луны - человек (и ясно, что полная луна здесь - символ, потому что только внутри, в призрачном пространстве есть полная луна; вовне нет полной луны!), вовне процессия похоронная ждет, когда чары исчезнут, и время снова, как обычно, придет в движение". Что это за чары, мы узнаем из следующих рассуждений А.Тэу: "В тот момент, когда человек сталкивается со смертью, он испытывает иллюзию того, что время остановилось, а сама смерть не видна, она лишь следует за трупом, она - лишь слуга времени, и лучше всех знает: еще мгновение - и ее господин снова придет в движение" (А.Тееув, р. 96). Интересная мысль, только жаль, что она не следует из текста. В первой части этого рассуждения также все вызывает возражения. Начиная с подтверждения - еще раз - неверной посылки о мнимой остановке времени, здесь можно заметить явную путаницу в понятиях "di luar" - "вовне, снаружи" и "di sini" - "здесь", несоответствие их опять-таки тексту: "di luar" - это как раз и есть призрачный, иллюзорный мир, противоположный "di sini" - "здесь", что следует из текста: "... Пока один здесь задержался / там процессия похоронная ждет". Из рассуждений А.Тэу получается: и человек, и похоронная процессия, то есть смерть - "вовне" ("di luar"), но человек, по тексту, - "здесь" ("di sini") - "пока один здесь задержался" ("один", то есть "кто-то", "один человек"), а "там" - "di luar" - "процессия похоронная ждет". Похоронная процессия - это, конечно, смерть, которая ждет (поскольку слово "смерть" ни разу не употребляется в тексте, "затабуировано").

Если понимать строку, являющуюся посылкой в рассуждениях А.Тэу гораздо проще и логичней, в отличие от его надуманно-вычурной интерпретации, - в соединении с последующей строкой как

часть фразы: "Пока один здесь задержался / там процессия похоронная ждет", - то и картина двух миров получается соответственная. "Здесь" - "di sini" - это мир земной реальный, в котором "мы все еще продолжаем болтать", не зная и не желая знать, что "ночь уже близко", мир, который, по мере приближения к его концу становится все более призрачным, нереальным: "в пространстве все более призрачным, мир полнолунен". "Там", - "вовне" "di luar" - мир потусторонний, призрачный, где царит полная луна и ждет смерть.

Действие ошибочной интерпретации строки первого стихотворения и выстроенной на ней концепции распространяется на второе стихотворение. Во втором стихотворении "Идти в похоронной процессии", согласно рассуждениям А.Тэу, "время, которое задержалось, снова тронулось, и как следствие этого "люди, мы с вами двинулись в похоронной процессии". (А.Тееиу, р. 96). Исследователь развивает свою мысль дальше: это, в его понимании вновь начавшееся движение он приписывает часам ("часы мигают"), и утру ("день отступил"), и солнцу, которое согласно его рассуждениям, снова - наверху ("а наверху: наше солнце..." (А.Тееиу, р. 97). Но дело в том, что похоронная процессия - во втором стихотворении - двинулась просто потому, что она уже ждала - в первом стихотворении ("там процессия похоронная ждет"), А.Тэу же строит и это свое рассуждение на той же неверной посылке. Вторую строфу второго стихотворения А.Тэу толкует тоже достаточно произвольно, его рассуждение следует не из текста, но текст подводится под рассуждение. Второй и третий стихи из этой строфы:

а рядом: деревья одно за другим склоняют голову

а наверху наше солнце, то же самое солнце

часы покачиваются посредине

не измерить, как же пусто время, их поглотившее
в толковании А.Тэу выглядят так:

а наверху: наши солнца, те же самые солнца

часы покачиваются между ними, -

Множественное число в словах "matahari kita, matahari itu juga" -
"- наше солнце, то же самое солнце" в тексте отсутствует, оно следует только из рассуждений А.Тэу. А рассуждает он так: "Действительно, получается много солнц, с передвижением его (солнца - М.Б.) по небу каждый час предстает уже перед другим солнцем, и "Часы покачиваются между ними", между всеми этими солнцами; путь солнца по небу заполнен покачивающимися часами. Обратите внимание на противопоставление: "часы мигают" (выше) и "часы покачиваются", как будто не двигаются, потому что двигаются здесь солн-

ца, а час за часом покачивается между ними". (А.Тееuw, р. 98). Безусловно, увлекательное рассуждение, но исследователь интерпретирует строки стихотворения Сапарди Джоко Дамоно в соответствии с логикой своего рассуждения, то есть практически строит другой текст. У поэта часы покачиваются не между солнцами, - знак удвоения (показатель множ.числа) в тексте отсутствует, - но между тем, что "рядом" - здесь, внизу: "а рядом деревья одно за другим склоняют головы" и "наверху" - там: "а наверху наше солнце, то же самое солнце". Исходя из текста, часы, покачивающиеся между "верхом" - солнцем и низом - тем, что "рядом", отсчитывающие меру человеческой жизни, можно рассматривать как символ человеческой жизни, поглощаемой временем, что следует из последнего стиха второго стихотворения: "не измерить, как же пусто время, их поглотившее". Время, поглощающее часы - мерило человеческой жизни, то есть самую эту жизнь, остается пустым, то есть оно ненасытно. О ненасытности времени сказано в последней строфе стихотворения третьего, где в значении времени - смерти здесь выступает небо и дверь в пещеру, которая примет нас "целиком, целиком, оставив только воспоминанья". Названные свойства времени следуют из текста стихотворений. Рассуждениям же А.Тэу подчас свойственны преувеличенные и неоправданные текстом эмоции, так, по поводу последнего стиха второго стихотворения он пишет: "Но вот что самое пугающее, что совершенно невозможно предположить: время, такое жадное, остается пустым, незаполненным". (А.Тееuw, р. 98). Мне кажется, изумление перед этим образом преувеличено: образ ненасытного времени достаточно известен в мировой поэзии, а пустота его связана с его ненасытностью.

Параллелизмы во второй и третьей строфах второго стихотворения:

часы мигают

не измерить, как скоро

день отступил, расчистив дорогу

и

часы покачиваются посредине

не измерить, как же пусто время, их поглотившее

очень выразительны: из них явствует неотвратимость последовательности движения времени (отступив, день расчистил дорогу, конечно же, смерти) и поглощения им в процессе этого движения человеческой жизни.

Исходя из неверной посылки о мнимой остановке времени, надея на его тотальным могуществом и независимостью, А.Тэу приписывает только времени, его проявлениям или явлениям природы роль субъек-

та действия в этих стихотворениях, отказывая в этом человеку. Относительно второго стихотворения это так: здесь субъект действия - время, наряду с ветром и часами, и солнцем, и деревьями, - человек здесь отсутствует. Но в первом стихотворении субъект действия - "мы": "почему же мы продолжаем болтать?"; а в последнем стихотворении человек является субъектом действия в первых двух строфах, и лишь в последней уступает место небу и двери в пещеру - смерти, что еще раз подтверждает неверность самой посылки.

Прием "затабуированности" слова "смерть" наблюдается на протяжении всего стихотворения, этот же прием - и в вопросе, с которого начинается третье стихотворение: "долго ли ты еще будешь об этом спрашивать?" (по-индонезийски "об этом" - "tantang hal itu", букв.: "об этом случае, об этом деле, об этом вопросе"), - имеется ввиду случай смерти, которая названа таким нейтральным, бессодержательным словом. Это риторический вопрос, обращенный лирическим "я" к самому себе. Начало вопроса повторено в третьей строфе: "Как долго? ...", а остальная часть вопроса как будто застряла в горле, прерванная рядом риторических восклицаний, которые и являются ответом: "но как же высокомерно небо / как же высокомерна дверь, которая примет нас.... / в пещеру, вдруг ставшую тихой". Из этого ответа становится ясной и риторическая форма вопроса, и затабуированность упоминания смерти: небо и дверь в пещеру, которые символизируют здесь ту же смерть, не допускают диалога, они высокомерно диктуют, потому что все предопределено. Но эта затабуированность относится именно к слову "смерть", но не к слову "время", как полагает А.Тэу (А.Тееув, р. 98) (еще раз подтверждая, что на основании произвольной интерпретации одной строки им приписывается времени не существующая в этом тексте роль): слово "смерть" в тексте не названо ни разу, а слово "время" - "waktu" - в собственном значении этого слова - названо во втором стихотворении.

Сопоставление интерпретации, подчас достаточно субъективной, голландского исследователя и интерпретации, предложенной нами, можно было бы продолжить.

Но заканчивая на этом анализ трех стихотворений Сапарди Джоко Дамано и подводя итог полемике с А.Тэу, можно заключить, что в рассуждениях этого исследователя есть безусловно своя логика, интересные мысли и увлеченность самим анализом. Жаль только, что его анализ не исполняет той функции, провозглашенной сами исследователем (А.Тееув, р. 100): не подменять анализом текст, но возвращать нас к нему. Захваченный своими рассуждениями, он нередко

не только уходит от текста, но подводит нас к другому тексту.

Из-за существующих в подобных стихотворных текстах некоторых современных индонезийских поэтов многозначности, многоплановости очень велики соблазн и возможность произвольного их толкования. По причине особенной сложности текста этих стихотворений Сапарди Джок Дамано я не могу считать свою интерпретацию единственно и абсолютно правильной. Но если мне удалось, полемизируя с другим исследователем, приблизиться к постижению смысла текста, устанавливая в процессе полемики истинное значение отдельных слов и строк, - я могу считать свою задачу хотя бы отчасти выполненной.

1. A. Teeuw, *Tergantung pada kata*, Pustaka Jaya, 1980.

2. В переводах мы придерживаемся знаков препинания оригинала, где они отсутствуют в конце стихов. Интерпретация А.Тэу следует только из его анализа, поскольку он не дает перевода на другой язык, рассматривая стихотворения только в оригинале; A. Teeuw, *Tergantung...*, pp. 95-96.

А.Д.Бурман

БУДДИЙСКИЙ ЦАРЬ БОГОВ В ТЕАТРЕ И ДРАМАТУРГИИ БИРМЫ

В данном сообщении сделана попытка обобщить данные о становлении культа Тиджамина в системе бирманского буддизма и на конкретных примерах показать, каково было отражение этого культа в бирманской драме, каким образом в бирманской религиозной системе сформировался образ буддийского царя богов Индры - Сакки - Тиджамина?

Известно, что Индра - это один из наиболее могущественных богов ведийской мифологии, который повелевает божествами среднего мира (атмосферы), связан с дождем и громом, борется своим волшебным оружием - ваджрой против демонов-асуров. Согласно толкованию Ф.Кёйпера, Индра является творцом мира: своей ваджрой он разделяет небо и землю, а, победив Вритру, высвобождает воды жизни. В последующие периоды развития индийской религиозной мысли Индра теряет свое первостепенное значение и, в конце концов, становится лишь локапалой - одним из четырех хранителей стран света.

Значительная трансформация образа Индры происходит в буддизме. Здесь он под именем Сакка (от одного из его санскритских эпитетов - Шакра - "могущественный") становится повелителем буддий-